

О «желательном единообразии» в правописании заимствований

Как известно, Гротом-орфографистом была поставлена задача «привести русское правописание к желательному единообразию». Эта задача – т. е. задача сознательной стандартизации письма – усилиями самого Я. К. Грота и последующих орфографистов-кодификаторов на протяжении 20-го века решалась довольно успешно (см. [1]), однако волна заимствований, хлынувшая в наш язык на рубеже веков, вновь делает ее актуальной. Если иметь в виду не установление словарной нормы для отдельных слов, а системность нормирования¹, то область заимствований традиционно отстает в стандартизации. И сейчас, когда с единообразием в этой области у нас явно неблагополучно, полезно вспомнить, с чего все начиналось.

Принцип передачи «чужеземных слов», по Гроту, – «старание с возможною точностью сохранять... их подлинную форму» [2: 75], при этом следует держаться «сколько можно ближе иностранного выговора» [3: 331]. Я. К. Грот много внимания уделяет графике (особенно буквам *э*, *э*², и «византийской прабабушке» *фите*), а также проблемам транскрипционной передачи иноязычных слов: напр., буквосочетаниям *i* или *j* с последующей гласной, в таких словах, как *азиатский*, *итальянский*, *батальон*, *миллион*, *диэ́та*, *пье́са* и др. Вопрос о применении транскрипции / транслитерации при передаче заимствований в наши дни можно считать решенным (в пользу транскрипции), хотя и среди новых слов наберется ряд примеров, в которых присутствуют элементы побуквенного отображения этимона: *е-мейл* / *имейл* (англ. e-mail), *андеграунд* / *андерграунд* (англ. underground [ˈʌndəgraʊnd]), *кич* / *китч* (нем. Kitsch), отчасти *ремейк* / *римейк* (англ. remake [ri:meik]) и, конечно, удвоенные согласные.

Что касается графики, то сегодня при отображении заимствований на письме нас интересует в основном буква «э» и ее корреляция с «е». Буква «э» довольно долго у русских словесников была «предметом незаслуженной вражды» [3: 314]. По мнению же Грота, эта буква «полезна для начертания некоторых заимствованных слов» и ее следует применять в начале слова и после гласных (чтобы различать йотованное и нейотованное [э]), однако после согласных ее употребление допустимо только в двух случаях: в собственных именах и в нарицательных «для избежания двусмыслия» [2: 78] (т. е. омонимии). Так родилось первое исключение из всем известного списка, а именно – слово «*пэ́р*» (для отличия от косвенных падежей слова «перо», как написано у Грота). Эти гротовские ограничения не были соблюдены, и

¹ Речь идет об определении общих оснований орфографического нормирования. Прежде чем кодифицировать конкретные написания, должны быть обозначены основания, в соответствии с которыми мы это делаем.

² Я. К. Гротом отмечается отсутствие в русской азбуке буквы для отличения звука малороссийского спира́нта от греко-русской гаммы.

употребление постконсонантной «э» получило распространение; тем самым графическая проблема переросла в орфографическую.

Я. К. Грот предупреждает: если допустить сочетание согласных с последующей «э», то «трудно будет определить, в каких именно случаях следует так писать, и употребление Э после согласных будет предоставлено произволу пишущего³» [3: 316]. Как можно заметить, именно это у нас сейчас и происходит в стихийной письменной практике. Список исключений понемногу пополняется: в правилах их 7 – *мэр, нэр, сэр, мэтр, пленэр, рэп* и *рэкет* – плюс их производные [7: 19], а в «Русском орфографическом словаре» около 100 единиц, однако в узусе сектор применения постконсонантной «э» гораздо шире: колеблются даже те написания, которые давно попали в словарь (напр., *бре/энд, тине/эйджер, хе/эллоун, се/эконд-хе/энд*). Дело в том, что лингвистические основания, по которым должен производиться отбор таких слов, нигде как следует не прописаны. Гротовскому критерию «избежания двусмыслия» соответствуют, кроме первых трех слов из списка, также слова *мэтр* (ср. *метр*) и *рэп* (ср. *реп(а)*). Что касается остальных слов, то, к примеру, *рэкет, сэндвич, фэнтези, фэншуй, лэптоп, минивэн* у нас кодифицированы с «э», а *хайвей, петчворк, скребл, Хеллоун, брейк, спрей, тинейджер, хай-тек, флешка* – с «е». Почему были приняты такие решения, не вполне понятно. Лингвистические основания нормативного выбора в этой области не определены до сих пор.

Между тем есть смысл поставить употребление «э» в зависимость от характера предшествующего согласного (речь, прежде всего, о наиболее подверженных смягчению задненебных и губных – при желании сохранить твердое произношение). Может работать и дифференцирующий подход, как у Грота (напр., *футбэз*⁴ – ср. *бег*). У слов с двумя проблемными зонами (напр., *хэ/етчбэ/ек*) буква «э» сохраняется лишь в одном случае из двух – и, вероятно, это должно касаться позиции после согласной, наиболее подверженной смягчению (подробнее см. [4: 88]).

Другая из описанных Я. К. Гротом орфографических проблем, не утрачивающая актуальность, – двойные согласные. Гротом было замечено, что удвоение особенно ясно слышится после гласной с ударением. Как было уточнено впоследствии, здесь важно не только заударное, но и интервокальное положение двойных согласных: *сумма, колонна, масса, телеграмма*; тем самым была установлена сильная позиция для консонантного удвоения⁵, отправной точкой к чему послужили наблюдения академика Я. К. Грота. Поскольку удвоение в принципе «не противно народной фонетике», а «начертание не должно быть противно выговору», Грот предлагает несколько ограничить

³ Основанием для этого утверждения послужил тот факт, что для собственно русских слов нехарактерно употребление твердого согласного перед фонемой /э/ (как пишет Грот, «таких звуков вовсе не знает русская фонетика» [3: 316]), а также традиционное написание с буквой «е» в данной позиции слов, которые были заимствованы ранее. Впоследствии, однако, в русском языке усилилась позиция различения твердых/мягких согласных перед /э/, но орфографическая традиция не позволяет проводить это разграничение последовательно в письменной речи.

⁴ *Футбэз* – «спортивная игра, вид спорта, в котором участники демонстрируют мастерство обращения с небольшим мягким мячом, отбивая его ногой ниже колена».

⁵ К слабым позициям относятся: предударная (*аккаунт, оф(ф)шор*), заударная перед согласной (*харассмент*) и конец слова (*стресс, топлес(с)*).

употребление удвоенных согласных, но не исключать их совсем [3: 340]. Помимо слов с удвоением в сильной позиции, не должны подвергаться упрощению случаи, в отношении которых действует дифференцирующий принцип написаний (т. е. во избежание омонимии следует писать *металл* – ср. глагольную форму *метал* (копье), *балл* ср. *бал* и под.). Иногда этимон может содержать две пары консонантных удвоений, которые, по Гроту, излишни потому, что «одно из них непременно скрадывается в выговоре; на письме должно быть исключено то, которое менее слышится» [3: 339]. Однако этим не исчерпывается всё разнообразие проблемных случаев. В слабых позициях также возможны колебания, при этом, как можно наблюдать, удвоенные написания чаще всего преобладают (что больше соответствует написанию, а не произношению этимона). В последовавшие за деятельностью Грота сто лет, казалось, можно было бы ожидать продвижения в разработке этой темы, однако этого не случилось, хотя попытки были. Эти попытки подробно описаны в книге «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии». Предлагалось:

1) полностью уничтожить удвоенные написания; – но при этом могут возникнуть несоответствия между написанием слова и его произношением (там, где долгота находится в сильной позиции), а также будут устранены дифференцировочные (в отношении омографов) написания;

2) уничтожить удвоения там, где отсутствует долгота произношения; – но произношение также вариативно; кроме того, в этом случае при словоизменении будет нарушен морфологический принцип орфографии, так как придется писать «ванна», но «ван», «клас», но «класса»;

3) оставить удвоенные написания только в сильной позиции; – однако есть слова, где удвоенная согласная и в сильной позиции никогда не писалась: *феникс*, *эмблема*, *гондола* [гр. *phoinix*, лат. *emblema*, ит. *gondola*];

4) сохранить удвоения везде, где этого требует этимология; – но это не дает упорядоченности правописания и требует исключительно запоминания верных орфограмм; кроме того, это потребует ломки устоявшихся написаний: «адрес» → «адресс», «афиша» → «аффиша»;

5) допустить свободное (вариативное) употребление согласных; – но тогда возникнут орфографические колебания там, где их раньше не было (см. [6: 185–193]).

Почему стремление упорядочить употребление двойных согласных осталось нереализованным? Во-первых, была поставлена цель создать общие правила и для неологизмов, и для освоенных слов (у которых исторически сложились и закрепились многие орфографические непоследовательности), а эта задача, судя по всему, нерешаемая. С непоследовательностями, закрепившимися исторически, придется примириться. Во-вторых, преобладало все-таки общее стремление к упрощению удвоений, что вряд ли согласуется с современными тенденциями; об этом говорит хотя бы распространенность

гиперкорректных употреблений (напр., импрессарио, тиффози)⁶. В результате сложилась ситуация, когда едва ли не каждое новое слово с этимологическим удвоением согласной достаточно долго существует в нескольких письменных вариантах, не обретая единого написания. Так что в правописании заимствований единообразия нам не удастся достичь до сих пор.

А в чем вообще состоит по сути орфографическое единообразие, чем оно достигается? Трудно найти лингвиста, который был бы против единообразия в орфографии, но не все солидарны в понимании того, каким способом его можно достичь. Наиболее распространенный взгляд состоит в том, что каждое слово должно иметь свою единственную орфограмму, заданную орфографическим словарем. Однако если слово в словарь еще не попало, то вопрос о его написании часто ставит нас в тупик. Например, такие неологизмы, как *хедхантер* [head(-)hunter], *спелл-чекер* [spellchecker / spell checker] уже есть в некоторых новых словарях, но не каждый рискнет предсказать, в каком из возможных вариантов они там приводятся. О чем это говорит? О том, что не эксплицированы закономерности, являющиеся результатом «исследования законов языка» (слова Я. К. Грота), и потому словарные нормы в области иноязычий – это по преимуществу «нормы, основанные на условном соглашении». Иногда эти нормы оспариваются, возникают дискуссии о том, как, к примеру, писать: *блогер* или *блоггер*, *риэлтор* или *риелтор*, *уикенд* или *уик-энд*, *от-кутюр* или *от кутюр*, *массмедиа* или *масс-медиа* и т. д. Что должно приводить к единообразию: соблюдение условных словарных предписаний или достижение согласия в том, на чем основывается нормативный выбор? Первый путь легче, а второй честнее, хотя и требует времени. Написание должно быть лингвистически обоснованным. Как писал в «Спорных вопросах...» академик Грот, «наука должна стремиться к уяснению оснований, по которым слова пишутся так или иначе», и следует «соглашать» «противоречащие друг другу начала» [3: 177]. Вот несколько современных примеров на орфографические противоречия:

– *ремейк / римейк* (англ. remake [ri:meik]). С одной стороны, в соответствии с законами транскрипции следует писать в первом слоге «и», но существует другой подход, реализованный в «Русском орфографическом словаре»: вычлняя этимологический префикс, унифицировать его написание с такими словами, как *реанимация*, *регенерация*, *реинкарнация* и писать «е»; при этом в написании с «е» можно усмотреть и элемент транслитерации;

– слова типа *шопинг / шоппинг* (англ. shopping), при наличии параллельного однокоренного заимствования *шоп* с одиночной согласной, а также *блог(г)ер*, *рэн(н)ер* при *блог*, *рэн* и под. В соответствии с одним из подходов предлагается унифицировать написание данных слов с этимологически однокоренными по графическому составу, т.е. писать *шопинг*, как *шоп*, с одним «п», хотя в этимоне – двойная согласная; однако в языке есть и другие примеры – с неунифицированными орфограммами: *контроль* –

⁶ Случаи гиперкоррекции отмечаются также у Грота (*привилегия*, *Иллиада*, *проблема*) и у других исследователей.

контролинг – *контроллер*. Таким образом, применение этого принципа рождает новые непоследовательности;

– *пентхаус* / *пентхауз* (англ. *penthouse*), а также *таунхаус* и под. Глухой согласный на конце при образовании плюральной формы (*penthouses*) меняется на звонкий, и это является причиной распространения двояких написаний в русском языке, поскольку вопрос, учитывается ли это позиционное изменение согласного при заимствовании, у нас также не решен.

Другие примеры орфографо-языковых противоречий см. в [5: 149–152].

Как можно (и можно ли?) «согласить» эти «противоречащие начала»? Об этом стоило бы задуматься. У нас же принято выбирать одну из лингвистических мотиваций и игнорировать другие. В области орфографической кодификации утвердились и действуют некоторые сложившиеся принципы, воспринимаемые нами как незыблемые. Главные из них:

- написание любого слова должно быть единым всегда;
- унификация на письме слов, в чем-либо подобных – одно из главных достоинств орфографической нормы;
- чем орфографическое правило проще, чем меньше в нем используется критериев, тем оно лучше;
- у орфографической нормы отсутствуют градации, а есть жесткое бинарное противопоставление правильного написания и ошибки.

Таким образом, по-прежнему действует установка на упрощение орфографии.

При этом не различаются слова, давно сформировавшие свой письменный облик, и неологизмы, написание которых лишь формируется, нормы еще не сложились, орфографические традиции не сформировались. Ведет ли это к единообразию? Мы видим на практике, что это не так: в узусе все равно множатся варианты; некоторые слова сопротивляются унификации; простое, предельно обобщенное правило оказывается недостаточным (как, напр., правило о букве «э»), а нормативность того или иного варианта – неочевидной.

А нуждается ли русская орфография в упрощении? Можно понять учащихся и их преподавателей, для которых простота усвоения орфографической нормы является ее существенным достоинством; оправдана и забота современников Я. К. Грота о распространении грамотности среди российского населения (посредством упрощения орфографии), что в то время было весьма актуальной задачей. Однако даже тогда, столетие назад, при обсуждении орфографической ситуации 1900-х годов, высказывались мнения, что в решении вопросов русского правописания не следует руководствоваться лишь «горем и слезами учащихся», поскольку «правописание создано не школой, а всей историей языка» (цитата по [1: 95]). Сейчас иная ситуация, иные исторические условия; думается, не будет слишком большой смелостью утверждать, что современная орфография нуждается не столько в упрощении, сколько в обоснованности и последовательности письменных норм. Упрощение, сглаживание существенных различий не должно быть поставлено во главу угла при кодификаторской работе; но при этом необходимо создать

такие программы и методики преподавания, чтобы решение спорных вопросов не ложилось на плечи учащихся (а спорные вопросы в орфографии будут, вероятно, всегда). «Уничтожить дело истории, изгладить следы ее в правописании столько же трудно, как и во всякой другой области жизни», – отмечал академик Грот [3: 175], хотя и ратовал за единообразие в правописании.

По Гроту, «разнообразие на письме потому предосудительно, что признаваемое одному за правильное другому кажется ошибочным, и для большинства возникает сомнение: что же предпочтительно? кому следовать?» [3: 177]. Но есть другая сторона медали: «когда в правописании господствуют рядом одно с другим два начала, то возникает вопрос: где и как провести резкую черту законности между тем и другим?» [Там же]. Поэтому, по Гроту, требование единообразия не должно быть безусловным, ибо «надобно уметь отличать важные разногласия от неважных» [3: 178]. Это разумное соображение на протяжении нашего безальтернативного 20-го века как-то позабылось, а жаль. «Неважные» разногласия происходят от недоразумений; причина же иных, по Гроту, – «неодинакий взгляд на предмет», «и тут, конечно, возможно двойное решение вопроса» [3: 180]. Именно ко вторым, «важным» разногласиям Я. К. Грот относит «неодинаковое понимание условий передачи иностранных слов в русском письме». «Двойное решение вопроса» неизбежно на начальном этапе письменного освоения заимствований. Орфографической норме, как и любой другой, надо дать время сформироваться. Последующая история русской орфографической кодификации отмечает отрицательное отношение к вариативности на письме⁷, однако в ситуации нестабильности норм вновь встает вопрос о допустимом «разнообразии в правописании».

Литература

1. Григорьева Т. М. Три века русской орфографии. М., 2004.
2. Грот Я. К. Русское правописание. 7-е изд. СПб., 1888.
3. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1876.
4. Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М., 2011.
5. Нечаева И. В. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012.
6. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII – XX вв.). М., 1965.
7. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009.
8. Русский орфографический словарь. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2012.

⁷ Принцип безвариантного письма был установлен «Правилами... » 1956 г.